

Человек Серебряного века

Александр Васильев: «Мода – это коллективное сумасшествие»

Независимая - 2003 - 26 апр. с. 13, 15.

Сергей Шаповал

Театральный художник, оформляющий спектакли во многих странах мира, главный художник Национального русского театра Литвы, коллекционер, историк моды, написавший несколько книг и выступающий с лекциями от МГУ до Австралии, декоратор интерьеров, успешный бизнесмен – все это об одном человеке. Александр Васильев сегодня активно работает в России, которую покинул в 70-е годы. Именно в Москве он отметил в декабре свой сорок пятый день рождения.

Александр, у вас много различных занятий, как бы вы могли себя представить?

– Театральный художник, историк моды и декоратор интерьеров. Это не редкость в русской культуре, в эпоху Серебряного века таких людей было немало. Специализация пришла позже. Если мы заговорим о Бенуа, мы скажем, что он историк искусства, театральный художник и живописец. Дягилев был композитором, импресарио и издателем. Гончарова была художником, создателем моды и театральным декоратором.

– То есть вы встаете в один ряд с деятелями Серебряного века?

– Это так. И дело здесь не в завышенной самооценке. В Париже я воспитывался художниками «Мира искусства», моими наставниками были Добужинский и Бушен. Иначе и быть не могло.

– Если бы не было парижского периода, ваша жизнь сложилась бы иначе?

– Разумеется. Париж дал мне мои знания, семь языков, на которых я говорю, позволили получать информацию не только по-русски. Я обожаю русский язык, стараюсь говорить правильно и разнообразно. Должен сказать, что сегодня в России по-

Александр Васильев: «С Новым годом!»

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

русски говорят очень плохо. Меня убивает, когда кинореклама начинается со слов «прикольный фильм». Мне нравится космополитичность, именно благодаря ей я получаю информацию, которую, живя в России, я не получил бы никогда. Останься я здесь, я был бы сыном своих родителей: ни папа, академик живописи, ни мама, профессор, не

оставили бы меня без работы. Но я проиграл бы в универсализме и широте кругозора.

– Как вы определяете понятие «мода»?

– Мода – это манера жизни. Это понятие не имеет исключительного отношения к одежде, было бы совершенно неверно так считать. Мода имеет отношение ко всему кодексу нашего поведе-

ния: манере ходить, сидеть, разговаривать, лечиться теми или иными лекарствами, заводить тех или иных животных, ездить на тех или иных автомобилях, одеваться в ту или иную одежду, причисываться так или иначе. Мода меняется и накладывает существенный отпечаток на нашу жизнь. Если говорить более емко, то мода – это коллективное

сумасшествие. Меня – и, похоже, только меня – очень волнует, что в России до сих пор нет музея моды, который есть во всех цивилизованных странах мира. Как мне сказал министр культуры Швыдкой, в России существует более двух тысяч различных музеев, и все они обращаются к государству за дотациями, поэтому о музее моды никто

не будет и разговора заводить. Я предлагал выставить мою огромную коллекцию, но никто не проявил интереса. В ней около десяти тысяч предметов от начала восемнадцатого до конца двадцатого века, она путешествовала по Австралии, Южной Америке, Бельгии, Франции, Англии, Швейцарии.

– Вы занимаетесь историей моды, имеете возможность сравнить разные страны. Какая из них, по-вашему, самая стильная?

– Конечно, Италия! Это самая прекрасная страна мира. На ее территории самый красивый город мира – Рим, она создала самую замечательную музыку, самую замечательную живопись и архитектуру, мода сегодняшнего дня идет из Италии, там уникальная кухня, и там живет самый веселый народ Европы. Я готов поехать в Италию в любой момент, в другие страны – надо подумать.

– А как же Франция?

– Франция – страна огромного вкуса, но не огромного стиля. Без обсуждения можно признать, что именно Франция обладает самым рафинированным вкусом. Кто еще мог бы позволить себе вариации на тему серого цвета? Никто. Французы создали Париж – поэму серому цвету.

– Что в этом плане вы можете сказать о России?

– Россия – это страна, где я родился, я к ней испытываю больше чем любовь. Она моя боль и страсть одновременно. Сегодняшнее ее состояние мне не нравится, что я серьезно переживаю. Меня повергает в уныние здешний стиль жизни, а вульгарность просто убивает. Россия из уникальной страны постепенно превращается в страну банальностей.

– Что вы берете за точку отсчета?

– Царскую Россию. Все сравнения я делаю с 1913 годом. Советский период был для меня самым глухим, ни в моей жизни, ни в жизни моей семьи он не оставил глубокого следа. Я его за-

был, как кошмарный сон. Россия советского времени была закрытой, поэтому она напоминала компот из сухофруктов. После открытия в этот компот посыпались мухи и сделали его несъедобным.

– Российская вульгарность, по-вашему, органична или привнесена извне?

– Она пришла из-за границы. Из-за сложной экономической ситуации в России сюда направилось все самое дешевое. Дорогое пришло тоже, но позднее. Первыми на российском рынке оказались китайские и турецкие товары в плохом исполнении. Вслед за ширпотребом пошли дешевые фильмы, дешевые ма-

Италии разрушается производство, ее заваливают китайские и турецкие товары. Там тоже восторжествует вульгарность?

– Не знаю. Я даже не могу представить себе такую ситуацию.

– Как возникает мода: ее создают стилисты или они в своей работе следуют за тем, что витает в воздухе?

– Мода – это зеркало истории. В моде отражаются войны, космические исследования, экономические взлеты и падения, кино, личности людей, например, принцесса Диана или Мэрилин Монро, и так далее. Это огромная мозаика, из нее и рождается

Россия из уникальной страны постепенно превращается в страну банальностей

шины, бывшие в употреблении, и неликвид в моде. В Россию двинулись фирмы, не пользующиеся популярностью на Западе, их в шутку называли: «Горелово», «Неелово», «Неурожайка» тож. Россия стала сливной ямой. Еще один важный момент – плохое знание иностранных языков. В отличие от царских времен, когда в каждой приличной семье у ребенка было три учителя – английская мисс, немецкая фройляйн и французская мадемуазель, в советскую эпоху методика преподавания языков была чудовищной. Контакты с Западом в 90-е годы в силу незнания языков строились чаще всего через бывших соотечественников третьей или четвертой волны эмиграции. Если учесть качественный состав этих волн, становится понятно, почему в России оказались все эти «шедевры стиля».

– Давайте представим себе фантастическую ситуацию: в

мировая мода. Здесь нет рецепта, моду можно отнести к миру магии и волшебства. Многое зависит от атмосферы в стране, господствующих моральных ценностей. Я без конца езжу по России, часто возглавляю жюри на местных конкурсах моды. Могу сказать о двух главных направлениях моды, они очень многое говорят о нынешнем состоянии России. Я определяю их как «шалашовки» и «исламистки». Все национальное отвергнуто как ненужное. Если в советское время было засилье национального узора, кружева, вышивки, льна, то сейчас мы не найдем ни одной формы русского костюма. Скажем, о сарафане сегодня и разговор заводить не стоит: как его скроить – никто не знает. Что характерно для «шалашовки»? Трусики, лифчика не надо, небольшое болеро, зверский грим и сигарета. Второе направление говорит